Цена 5.000 руб.

ФИГАРО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА ПОД РЕДАКЦИЕЙ НИКОЛАЯ МИЦИШВИЛИ.

№ 2. | 25 декабря 1921 г. | Проспект Руставели № 24. Телефон № 7-99. | 25 декабря 1921 г. | № 2.

Прием об'явлений.
Ежедневно от 12 - 1 в помещении Редакции. Проспект Руставели, 24. Тел. 7—99.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
БАРРИКАДА
на грузинском языке. Поэзия. Эстетика Критика.
Редактор: ТИЦИАН ТАБИДЗЕ.
Выйдет на днях.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
„ИЗВЕСТИЯ В. Ц. И. К."
НА 1922 ГОД.
Условия подписки:
На 1 мес. с дост. в Москве 40.000 р. На 1 мес. с перес в провинц. 45.000 р.
Цена отдельного номера в Москве 2.000 руб
В провинции и на станциях жел дор. 2.500 руб.
Для партийных, рабочих, профессиональных организаций, административно-советских учреждений, изб-читален, красноармейских клубов. а также для отдельных рабочих, представивших удостоверение своего завкома:
На 1 мес. с дост в Москве и с пересылкой в провинц. 25.000 руб.
Требования и переводы направлять: Москва, Тверская, 48. Контор. „Известий ВЦИК".
Ввиду незначительного срока, оставшегося до 1-го января, во избежание задержки с высылкой газеты, контора просит поторопиться подпиской.
Контора просит все газеты перепечатать настоящее об'явление.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:
„ВАВИЛОН"
СБОРНИК СТИХОВ ПОЭТА Ш. Кармели. ЦЕНА. 10 ТЫС. РУБ.
„НОЧИ"
СБОРНИК СТИХОВ ПОЭТА Р. Гветадзе. ЦЕНА 5 ТЫС. РУБ.
Склад издания в редак. „ФИГАРО". (Руста. 24).

Вышел и поступил в продажу ежемесячный художественно-литературный журнал
„ХОМАЛДИ"
на грузинском языке.
Продажа в редакции „ФИГАРО".

БАТУМ
Ж. ПАРАЦЦА и Е. ШАРКО
СТРАХОВАНИЕ—МОРСКИЕ ДЕЛА. ИМПОРТ—ЭКСПОРТ.
Агенты Компаний Морских Страхований ЛЕВАНТ и „УНИОН ГАРГЕНА."
Страхуют товары, отправляемые морским и сухим путем приемии и условия
— вне конкуренции —
За всеми справками обращаться в Агентство г. БАТУМА по Торговому пер. № 10.

Союз грузинских писателей
Кафе-клуб писателей
ХИМЕРИОН
ОБЕДЫ ОТПУСКАЮТСЯ:
Днем от 2-х до 5 ч. Вечером от 7 до 1 ч.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Вышла в свет и поступила в продажу новая книга на груз. языке.
ПОЭТЫ РЕВОЛЮЦИИ.
Под редакцией ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ и ГЕОРГИЯ ЛЕОНИДЗЕ.
В книге помещены переводы старых и новых поэтов революции. В переводах принимали участие лучшие литературно-поэтические силы Грузии.

Вышла в свет на русском языке книга стихов
ПОЭТЫ ГРУЗИИ.
Переводы Сергея Рафаэловича, О. Мандельштама, Валериана Гафиндашвили, Николая Бобыр ва, Татьяны Вечерки, Тристана Мачабели и др.
Книгу составил Н. МИЦИШВИЛИ.
ЦЕНА 15.000 РУБ.

На позициях национальной культуры.

Литературно - художественный Тифлис ожил и зашевелился. Отрадно отметить, что пробуждение это, этот расцвет ярко очертился с выходом «Фигаро».

Нужно было пробить какую-то брешь, проявить какое-то усилие, чтобы выравнить основную линию текущего сезона, выявить все стороны художественной жизни Грузии и показать картину ее современного состояния.

Одна гениальная выдумка, одно нажимание открыло путь другим и вот, за последние несколько недель [illegible] оборвали стихов, альманахи, литературные журналы, газеты и [illegible] на литературно-художественный рынок Тифлиса.

Все то, что накопилось в искусстве за эти девять месяцев, идет [illegible] и этот поток литературных энергий начинает пробивать себе дорогу [illegible] к жизни. Объективный анализ на это явление приходит к выводу, что искусство в Грузии, в частности Грузинское искусство выходит из состояния летаргии, застоя и оцепенения, которое наступило после февраля и продолжается до последних дней.

Этот болезненный кризис, эта борьба настроений и психологических переживаний пока еще остается в стане, но постепенно уступают место спокойной, творческой работе.

Факт этот, рассмотренный с политической точки зрения наведет на различные выводы. Печальные для одних и радостные, может быть, для других.

Но [illegible] лишь факт, комментирование которого сопоставляем общественным выразителям.

Сейчас же необходимо регулировать это движение, необходимо дать правильную дорогу сжатым силам искусства и направить эту энергию на широкое поле укрепления и возрождения нашей культуры, нашего народного духа, его веры в себя и свою светлую будущность, на которое грузинский народ имеет полное неоспоримое право.

События последних месяцев нас снова кинули в бездонной пропасть великих потрясений и разрушений основ старой жизни. Грузии приходится выступать в новой обстановке нового строительства и закладывать в свою жизнь новое содержание.

С разрушением старых основ экономических и политических взаимоотношений могут быть повреждены и устои нашего национального быта, национальной культуры, искусства, литературы.

Отсрочная задача всех культурных сил Грузии понять смысл новой жизни, и, стоя на вершинах тысячелетней своей культуры проникнуться новым творчеством, полной любовью к интересам своего народа и в то же время дойти до пылающего сердца Руставели, излучающего сны вселенной, полувлаской любви.

Николай Мицишвили.

Книга первого «Баллахи» — стройный гимн Проклятию и обреченности в неизбежном и нерасчетном сдвиге познавшей ложь мира души; озаренным дивным напевом звучит молитва поэта, когда на плече он чувствует упавшую слезу Мадонны.

Неопрокинутой силой веет от заявления Георгия Леонидзе:

«Я варсар, я хазар я сарацин,
У римских стен таран—гул дивамитый дрожи».

. . . . . .

Стигматы расы я считаю как цветы.
Трибун парижских толп и гольный князь картелов.

Знамена Грузии мне реют с высоты.
И солнце в родных походах поседело.

В нем есть редкая черта в Ордене: страстное произношение прошлым, любовное усыпление поэтом своей очарованной мечты на желтой странице седых родных преданий. Он — мотчная надежда, сильный росток школы.

Особняком стоит своими романскими мотивами и безутешной мыслью Николай Мицишвили.

Поэты отчаянных агоний мечты приходили к «калитцу полнения» после известного круга «очарований». Мицишвили же от начала мира и своего слова посвящено «торопит миг последних сопоставлений».

Радостно думать, что поэту суждено зажечь в поэзии Нови новую чистую эпоху...

В шуме и мистическом свете посвящных Орденом «Голубые Рога» идей, в сложной работе новой лаборатории и самом утомленном умственном влиянии Ордена на современную грузинскую поэзию трудно различить и кристаллизировать нити каждому отдельно принадлежащего золота строгий чекан которого дает всей школе «бессмертия, может быть, залог».

Али Арсенишвили.

Фигаро в Грузии.

Фигаро—праздник Революции, непрерывный, могучий звон гостиных — являет собою внешнюю телесную красоту лучшего французского гения, ясного сияния действенностью прелестью галльской иронии, счастливого умения:

«Ум высокой скрыть под легкой шалости безумным покрывалом».

Это —

Франция Бизе, бурление народа Парижа, буревестника сентябрьских дней и матового блеска Гильотины.

Облитый желчью и едким дымом своей эпохи, предтеча Сен Жюста и Робеспьера.— он исполинный и вместе тусклый образ, великий и двойственный идеал французского духа. — сочетающего грех, боль и сладость земного томления с дальней обителью строгого католического Креста.

Оставляя далеко позади сияние Лафедета и пламя Мирабо», первый завет отрицания Руссо и весь «выдуманный Бальзаком» XIX век. Заручившись вечной молодостью в музыке Россини, — Фигаро вытягает из театрального трибуна французского театра в символ универсального гения французского искусства, всемирного символа парижских идей, города, что фатально зовет к себе тоскующие души поэтов, чтобы создать последний и трагический синтез поэтической мысли.

Могучим и больным волнением тоски по этому синтезу является Шарль Бодлер, первый великий поэт деревенщины обладающий мотом, острее «плачущих» студентов дрессности, чувствующий боль мучения и под туманно-сияющим небом Пальде-Франса воздвигнувший дворец Безумия и нерукотворной Красоты; создав лабораторию поэтической мысли, где еще «улыбкою кроциальной» витал дух великих романтиков. Бодлер выкрикнул «Цветы», что до сих пор льют в мозг Поэзии единственную и благотворную отраву старых ядов испытанного в веках французского духа; их злые эссенции дали современному поэтическому творчеству тяжкий вкус мудрости и поразили на смерть «плаксивую поэзию».

В Грузии только с появлением молодых поэтов Современности — Григория Робакидзе Паоло Яшвили, Валериана Гафиндашвили и Тициана Табидзе—Апостолов Ордена «Голубые Рога» стало ясно, что [illegible] Вечности стали тревожить дотоле [illegible] безмятежным сон грузинской поэзии, [illegible] безмятежной [illegible] поэтической луны; [illegible] указать другую эпоху в Поэзии, где с такой простотой [illegible] сочетание умов всей роскошью интеллектуальных средств современной поэтической мысли, как это было и продолжает быть в неустанной работе лаборатории «Голубых Рогов».

Блестящим рыцарем-рассеивателем «проклятой поэзии» Современности является Паоло Яшвили — «Паоло-удивительный».

неустанный зодчий нового парадокса грузинской поэзии, Растрелли грузинского ассонанса и «Голубых Рогов», зачинщик бунта в поэзии мирового резонанса поэзии Грузии. Обладатель неустанно, и счастливо, горения поэтич. чувства, он расцветил грузинский стих ослепительными красками пальмовых стай и дал своему видению четкий, до колдовности проницательный образ.

Блестящим магнетическим, упорным является взлет мысли и поэзии Григория Робакидзе; уйти, бежать от мучительной мысли кажущейся «малости» сладчайшей материальны и расплавить ее в любви к «дальнему» до боли ощущающему рокоталию великого, предвосхищенного Байрейта, все того же неведомого, грядущего синтеза.

А между тем надо спешить в стройных строфах пока скроешь звр страдальцем и перед гибелью «сладчайшего Тифлиса» заканчиться в творческой любви братьев-поэтов по мучительному союзу — Ордену «Голубые Рога».

Нарисованный бред языческого идеала Красоты и Ужаса, «двух бесов изображенье» стелали невероятно нежным и фантастическим гофмановских кукол, племенных в безрозумном забвении одного из «Сегодняшних братьев» Ордена Валериана Гафриндашвили; в лаборатории Ордена он обладает тайной комбинирования своих, основу его известных ядов; его книга «Зажаты» новый спектр, новая «система элементов» поэзии. В его фантастике и касаниях изумчий сатириков и алмазов есть неумолимая повелительность мистических алгебры.

Поэзия Валериана Гафриндашвили есть жадное созерцание растущего в тине поэта фетишического собора, бледным подобием которого хотят бы быть Химеры изнесенный Notre Dame.

Самым пряным, матовым, и конкретным и туманным в одно и то же время очарованием пленительна лунна Тициана Табидзе, поэта капризная мечта которого показала нам Грузию в образах и рождениях небывалых; при ослепительном блеске сатана Халгеи этого утонченных постановок [illegible] типа поэта, который по «[illegible] человечью души» заставляет вспомнить ослепительный образ горного англичанина; любимого им.

В лаборатории «Голубые Рога», являющейся центром изменения поэтической и эстетической мысли Грузии, Тициану Табидзе дано быть аналитиком современного [illegible] и всегда является поистине наслаждением нимских фанатиков видеть его дионисобом Мысли и любовником Красоты.

Из «неизбежимой армады» Ордена «Голубые Рога» всегда с трепетом и полным радости сжимания своим мысль сменить за кружащими голосами поэтов отсвященных Колчу Нагиразде Георгия Леонидзе, Николая Мицишвили.

Пролетарская Геральдика.

Многим, вероятно покажется странным, что я решаюсь говорить о геральдике в такой исключительный момент, который мы сейчас переживаем.

Но, действительно, с понятием о гербах невольно возникает представление о средневековьи, абсолютизме, милитаризме и о том периоде истории, когда человеческая личность была самоцелью и отдаваемо точкою выхода действия.

Но я всеже нахожу возможным и даже своевременным коснуться этого предметавопроса о пролетарской геральдике.

Размер настоящей заметки не позволяет мне подробно изложить о новых формах пролетарской геральдики.

Вопрос этот сложен и столь обширен, что требует специального труда. Эта задача ожидает своего разрешения и принципиального установления.

Сейчас представляется возможность, коснуться лишь общей сущности пролетарской геральдики.

Прежде всего, пролетарская геральдика уже возникла и, если можно так выразиться, она уже существует явочным порядком.

В день празднования четвертой годовщины октябрьской революции, трудящиеся массы Тифлиса дефилировали пронесшуемые своими профессионально - производственными знаменами. Знамена эти были украшены гербами с изображениями эмблем производственных специальностей или профессий.

Эта подробность была мало заметна и осталась бы совершенно забытой, если бы не имела так сказать своего символического смысла.

Это обстоятельство многозначительно. Поэтому жизнь предъявляет повелительные требования неотвратительно приступать к сознательной, к реально производительному труду.

Новая геральдика уже не [illegible] нам химер и отвлеченных фетишей, но указывает что в большом почете новые боевые средства труда.

Та часть пролетарской геральдики, которая уже возникла, но к сожалению, как бы случайно и на спех, далеко не исчерпывает всего материала, так как не представляет и сотой доли всех производств.

Таким образом, большая часть материала, по составлению всей пролетарской геральдики ожидает в ближайшем своего разрешения. Здесь, мне кажется, не бе[illegible] будет сделать одно историческое сопоставление.

Гербоведение или наука о гербах имеет тенденцию сомкнуться на своем восьмом тысячелетии, произвоя свое начало из тайников древнейших культур и цивилизации.

Но официально геральдическая наука установила свои законы лишь в XI веке на Западе, — следовательно, в эпоху феодализма.

— В то время, герб изображал знаки личного достоинства, был гербом личным. Даже гербы государственные и национальные в

сущности были тоже личные гербы-гладыг, владетельных фамилий. При этом, герб, будучи помещаем на щите, был всегда признаком принадлежности его владельца к военному сословию, главнейшим отличием рыцарского достоинства.

Все это вполне согласно с господствующим тогда партиархальным бытом.

И вот, в эту то пору, пору необычайного развития всевозможных военных предприятий, после крайне эгоистичных по существу, но весьма красивых по внешности, возник на руе с воинствующим, господствующим рыцарским орденом—орден рыцарей труда.

Сходя значение и суть ордена, рыцарей труда и его культурные задачи, укажу лишь на то, что этот орден имеет на своих гербах и знаменах стал изображать орудия труда и создал коллективные гербы.

Был обычай, украшать гербы не только изображениями аллегорий и эмблем, но также и девизами и лозунгами.

Разумеется, эти девизы и лозунги были в полном соответствии с господствующим миросозерцанием и они были скупы, лаконичны, как слов должен быть фамилий эгоизм («Мой король и мое перетво» и т. п.).

Орден рыцарей труда, создав коллективно реальные принципы и общий девиз: «Свобода, равенство и братство».

Новая пролетарская геральдика должна была принять и новый девиз, единственный неопровержимо осуществимый, лозунг для пролетариев всех стран.

И. Ш.

Айседора Дункан перед московскими рабочими.

Известная танцовщица Айседора Дункан, ныне гастролирующая в Москве, выступила на днях пред московскими рабочими на подмостках Большого академического театра и целый ряд музыкальных произведений Чайковского озарила новым революционным светом мимики и пластики своего волшебного танца. Говоря об исполнении Дункан славянского марша Чайковского рецензент Московских «Известий» пишет, «Айседора Дункан лишний раз показала, что может сделать с вещью совершенно несозвучной современности одренный артист. На фоне музыки Чайковского, Дункан изображает в захватывающей музыке и пляске собственного, тяжело пластущегося, утомленного, скованного раба, силящегося порвать оковы и наконец, падающего ниц от изнеможения. Но при первых звуках царского гимна лицо его искажается безумной гримасой ненависти и он напрягает исполинские усилия, чтобы порвать рабские цепи, действительно разрывающиеся в конце марша и когда раб выпрямляет искривленные пальцы и простирает остывшие руки. «Вперед к новой жизни»—всем становится ясной и понятной аллегория. В революционном толковании Дункан Славянский марш—изображает крестный путь приданленного царским сапогом русского трудового народа, разрывающего цепи.

«Интернационал» под музыку оркестра и пение всего зала Дункан исполняет вместе с детьми рабочих и изображает «последний и решительный бой», как торжественное шествие революции».

Айседора Дункан, по мнению рецензента, захватила победила заполнивших зал московских рабочих.

Художники грузины—в Париже.

Недавно открылась выставка в галлерее «Ликорн» грузинских художников. Она очень интересна.

Наиболее ярким, национальным, типичным, убедительным, и являющимся, действительно, Кавказским художником хотя и немного «лубочным», но «милостью Божьей» художником—надо признать Л. Гудиашвили.

Но и кроме сюжетной, остро схваченной, и по психологии верной, стороны,—как живопись—вещи его очень интересны! Колорит его: смутно-зеленый, коричнево-черный и желтый, тона удачно чередуются с белым и глубоким синеватым.

Рисунок его передает ритм линий, движения фигур. Видны хорошие источники древних грузинских храмов, лубков. Прелестна еще «Беседа»: под шатром, виноградом увитым, сидят и пьют вино; наивно всегда трактован натюр морт на столе, на первое плане, сияет у горизонта потухающее уже темно-синее небо. Виден не только тонкий художник, но и мастер. И как ценно, что он не теряет, подобно большинству, своего характерного пишущего, не попадает под влияние Парижа, не заражается этим ужасным «общим гипнозом» этими «сколками», «углами», становившимися столь банальными, скучными; и не нужен Гудиашвили Париж. Ему не до Европы—назад скорее в Грузию—петь свою родину! В последних работах его чувствуется уже усталость и повторяемость. Другой экспонент Никозэ—гораздо правее, но в композициях интересен, колорит его яркий, в небольших вещах, особенно удачен.

Кокабадзе—ищет и уже впадает в общий поток безличного эпигонства новейших течений. У него четыре манеры. Одна—та же, что и Гледа (по иной линии колорит)—просто на просто «брать красочные гаммы»: из кусочков—как доскутиков—(как дети кубики складывают)—подбирать созвучия. Задача элементарнейшая; хороший курс «воспитания» глаза и развития вкуса к тонам для детей 8—12—13 летнего возраста! А, ведь, авторы думают: бог весть какое изобретение сделали! Другая манера—«сапаренная»—бытовыя его картины: обе не очень интересны; хорош фон—домики Грузии, третий прием—обычнейшие, банальные, сладкие «цветарскими» отающие «виды Грузии», и 4-е—рисунки карандашем (плоским)—снова безличное, можно изеренчанье.

В общем автор—неустановившийся художник. Жалко, что так перемешаны работы. Правда, часто и такой способ развески бывает интересен (он часто применяется в Петербурге, говорят, за последние годы)—но в этом случае—неудачен.

Г. Лукомский.

Париж.

Художник Ладо Гудиашвили, о котором я уже говорил на этих страницах и не так давно по поводу его эскизов в последнем весеннем Салоне, выступил на выставке Независимых с произведениями, отмеченными теми же самобытными чертами.

Почему только в этих последних произведениях он счел нужным расточать такое обилие теней?

Как бы то ни было, но его «Кутюк на вольном воздухе» и «Быки, переправляющиеся через реку» отмечены оригинальностью, которой он никому не обязан, и в них есть своеобразный глаз и своя манера передавать природу.

Гудиашвили, и это надо отметить, владеет мастерской фактурой—всецело своей, и притом в такие годы, когда другие находятся еще в периоде подлого, нащупывания. Можно ли отсюда сказать, что эта его манера—окончательная. Не думаю, и какова бы ни была ценность его нынешних работ, этот художник проявит новые успехи, еще полнее раскрывая свою самобытность, приковывающую уже теперь. Но кто сумеет умерить его пылкость и успокаивать порою его жар?

Clément Morro.

La Revue Moderne, № 5.

О выставке картин и скульптуры.

Выставка картин и скульптуры, устроенная в помещениях отстраивающегося музея Грузии (против Дворца), собрала в 4-х комнатах значительное количество работ. И на этой выставке как на большинстве Тифлисских, посетитель находит произведения самых разнообразных направлений. Большинство имен уже известны местной публике, но есть несколько новых. Живопись и рисунок преобладают; скульптуры мало и нет ни одной более или менее замечательной. Новинкой являются политические карикатуры Сергеева — портретные головы и типы трактованные геометризованными [illegible] в лицах характер отдельных лиц, выражен с некоторой шаржированной остротой, [illegible] (К. Зданевичем) много выразительнее. В «сырых» и еще значительно афористичных ученических вещах Гудиашвили пишет [illegible] и мятая несозданная до конца композиция [illegible] уровень ее работ.

Переходя к разбору произведений живописцев и рисовальщиков я остановлюсь о художниках, работающих в манере более или менее реалистической манере (Зомер Аксенки, Гведеванидзе и др.) и о живописцах отражающих красочные завоевания пленеризма и импрессионизма (Гахель, Тер-Тер-Запаев, Кетков и др.), и говорить не буду, так как писал о них неоднократно на этой же выставке по существу мы не дали каких либо новых выявлений своего дарования. Между прочим, лишь можно отметить, что среди работ Аксенка новый интересна с точки зрения запечатления интересных уголков старого Тифлиса картина, изображающая часть Эриванской площади с грифонами, [illegible] в [illegible] перестройках.

Лучшее из в[illegible]ного М. Тодуа — [illegible] пейзажи, свободные от поверхностной [illegible] сто больших холстов. У М. Тодуа, при несомненном даровании, неприятно поражает неоперетарный, по неверный рисунок, [illegible] на неизбежную экспрессию. К сожалению и «этнографическая» сторона его работ отзывается «бутафорией». Можно лишь пожелать молодому художнику, стремящемуся в линиях и красках отобразить лик своей родины более вдумчиво и углубленно изучать раскрытую перед ним сокровищницу неисчерпаемых материалов. В работах обоих Тодуа на ряду с традициями реализма пытаются и «модернистические» элементы, которые в глубоко провинциальной передаче заполняют все вещи Гахрекели и от которых не свободен молодой и с известным успехом добросовестный художник Гоцеридзе. И самые темы (пьеро, гитара) и манера трактовки некоторых из них и нарочитая «изысканность» говорят со известном литературно-эстетическом походе в исполнении этих «галлестраторских» произведений чисто внешних и недубоких, но не лишенных декоративных достоинств. Работы Кардовской, сделанные с заметным уклоном к «рукоделью», как всегда проникнуты своеобразным вкусом и по старому отмечены печатью декоративных достижений. Наоборот, тонко серебристые пейзажи Шмерлинга рассмотрены очень дробно и невыразительно.

Особую группу составляют молодые художники учащиеся у крайних новаторов и в то же время усвоившие красочные особенности мизейных потемнелых холстов—Каралоэ, Матеан и самый крупный из них Кочарян. Последний представлен с значительной полнотой—от первоначальных вещей, до последних холстов включительно. Из новых его работ, кроме натюр-мортов, характерным для него—на мой взгляд, является этюд полубодрствующего мущины, выдержанный в тусклоо-серых тонах. Молодой художник кроме рисунков и акварели выставил еще и скульптуры—самые слабые и безобразные из его работ. Пестрота и разнообразие манер, в которых работал и работает Кочарян говорит с одной стороны об его исканиях, а с другой обнаруживают еще далеко не стабилизировавшуюся цельность его эстетического я.

Тот же уклон в сторону воскрешания заплесневелого времени наблюдается у старых мастеров наличен и у Бажбеук-Меликова. Но этот своеобразный и талантливый художник сумел в преображении им пути пойти своей оригинальной тропинкой, прокладываемой его то к «сочинениям» сюжетным по Гамлету, то к гротескно-эпическим жанром (кутюк-петушка). Им выставлены и работы с натуры — пейзажи и натюрморт; последний—одна из лучших вещей на выставке. Все им экспонированное — как созданное от себя, так и изображенное с натуры—проникнуто внутренней цельностью, говорящей об искренности молодого живописца перекликающего новый, и хотелось бы надеяться, не последний этап в поисках окончательного самовыявления. Местами, особенно в портретах, чувствуется еще неустойчивость отдельных частей и «случайная» разнохарактерность фактуры, но наиболее слабым местом этого художника является рисунок, только подсознанный, только принособленный к жизненным задачам.

Если Бажбеук-Меликов по самой сущности своего таланта—живописец, то О. Летран, идущая путями петербургских неокадемистов, занята, главным образом рисунком, хотя некоторые ее вещи не свободны от «школьного» подхода, но в общем, а в особенности в набросках с обнаженной модели, видно известное мастерство добытое серьезным штудированием натуры. Портретные рисунки Валишевского поверхностны и разочаровывают «пустыми» красками, набросанными «между прочим. Единственная, более вдумчиво исполненная вещь,—детский портрет маслом.

Игорь Терентьев дал весьма слабую картину «Происхождение влаги» (из жизни пропеев в раю) несколько крови часто остро прочувствованных и автопортрет «Малярия»—искаженный и местами, талантливо разрешенный этюд. К. Зданевич, природный «украшатель» и декоратор, кроме выше упомянутого натюрморта, большого орнаментального панно при входе и многочисленных эскизов и мастерских рисунков представлен большим красочным эскизом театральной постановки, показывающим, что художник [illegible] к новым достижениям [illegible] (постановки Гончаровой и Ларионова на Западе). Из 6 N-ов прин[illegible] Пиросмани [illegible] лучший, по моему, «Пев».

На выставке имеются работы и архитекторов. Н. Северов дал рисунки и акварели исполненные с памятников древнего зодчества Грузии (Колокольня Анчисхатской церкви со двора, колокольня Шорети, Русская башня-звонница, колокольня и часть Урбинской базилики, дом на Абас-Абадской площади, внутренность «дарбаза» в Дигоми). Большинство этих изящных и умело сделанных произведения уже приобретены различными хранилищами. М. Калашников представлен исключительно проэктами—отделка актового зала Университета, фасад театра в Гурджаани, деталь строящегося Горийского вокзала. Все эти листы, вычерченные и отмытые с большим вкусом, вскрывают поиски художника, стремящегося найти новое в навыках и заветах древне-грузинской архитектуры.

Дмитрий Гордеев.

Выставка картин „Малый Круг".

Наиболее внимание на выставке привлекают работы худ. Л. Акишина (ученик Кардовского) итальянским карандашем и тушью (графика). Из первых выделяются «Цветы в подвале» (портрет Рюрика Ивнева) и портрет артистки Дюкомен. Психологический портрет Р. Ивнева значителен своей выразительностью и выполнен с большим сходством. Не менее значителен и второй портрет, интересно трактованный и выдержанный в гамме аксидированного серебра. Чрезвычайно удаются художнику всяческие драпировки, шелка и т. д.—в них он большой мастер.

Не лишены интереса и другие работы Акишина, например, неокончанные «Маски» с интересным построением фигур на треугольниках, акварельный портрет № 33, портрет Є. Городецкого в золотисто коричневой гамме. Из графических работ отметим «Незнакомку» (на фоне судейкинской росписи в «Химерионе»), №№ 18, 27, исполненные с мастерством и отменным вкусом.

Несколько красочных миниатюр выставил П. Рыженко, из которых можно отметить, например, «Сон». Есть кое что удачного и в других его фантастических набросках.

На выставке имеются несколько крупных работ и старых мастеров: Ф. Снейдерса, Левицкого. Исключительный интерес вызывает картина П. Брегеля (XVI в.) «Аллегория инквизиции», к которой мы еще вернемся.

Следуетъ отметить самую внешность выставки. Своей благородной простотой она оставляет прекрасное впечатление.

А. П.

ПАМЯТИ АЛ. БЛОКА.

(из доклада, прочитаннаго во Дворце Искусств).

На поминках, которые мы справляем по Александре Блоке, мне кажется ненужным и во всяком случае несоответствовало бы моему чувству к нему, исходить из истории литературы или теории искусства. И я хочу о Блоке говорить так, как какой-нибудь из нас говорил бы о близком ему покойнике.

Близким Блок был несомненно всем тем, кто не зная даже его лично, сумел почувствовать и полюбить его стихи. И таких становилось все больше.

Почувствовать и полюбить Блока — это мне кажется не только легко, но и неизбежно. Он доступнее многих и многих других наших поэтов. Он самый нежный из всех, он лирик чистейшей воды. Более того он единственный лирик в современной русской поэзии, если брать этот термин в самом настоящем его значении и точном смысле. Если искать другого такого лирика то, пожалуй, надо обратиться не к русской, а к иностранной, западной, поэзии. Ибо и Бальмонт лирик совсем другого типа, с гораздо меньшей сердечностью и душевной теплотой, и гораздо большим тяготением к форме словесности, звуковым ухищрениям.

Но даже Верлэн, несмотря на его музыкальную стихию, стишком четок, вследствие свойств французского языка и духа, чтобы его сопоставить с Блоком.

Последний, самый нежный из русских поэтов, как я уже сказал, обладал необычайным вкусом, который спасал его от опасностей угрожающих всякому лирику. Есть что то удивительное в том, как редко он употреблял термины: нежность, нежный,—в своих стихах. Почти каждый раз они стоят в таком контексте, который их неразрывно связывает с юностью и чистотой, и тем самым придает им внутреннюю осмысленность и по настоящему их оправдывает. Как, например, я сошлюсь на одно из лучших любовных стихотворений Блока: О доблестях, о подвигах, о славе....

Я люблю это простое, искреннее и такое звучащее стихотворение, как яркий образец блоковского очарования, такого необъяснимого, но и не требующего никаких объяснений.

Пушкин говорил о Боратынском: он—одна прелесть. То же самое хочется сказать о Блоке.

Указанное только что стихотворение, как почти все стихотворения Блока, в сущности очень простое и очень просто сделано. Больше того: оно как будто сделано довольно небрежно, с точки зрения например, эмф. Строгий верификатор должен весьма критически отнестись к форме этого стихотворения. И все же оно прекрасно и главное, знаменательно и это блоковское очарование невозможно не почувствовать.

Я помню, как весной шестнадцатого года после моего приезда из Перяжка в Петербург, я ехал на извозчике с Гумилевым, ныне тоже покойным. Я в нем оплакивал старого и милого друга, которого я высоко ценю как поэта и любил как человека. Он теперь был судим и осужден судом политическим за выступление политическое.

В этой области нам, как писателям, делать нечего. Политически я с ним всегда расходился, что не мешало нашей близости и дружбе. И теперь мы, вспоминаем его как писателя, как тонкого, оригинального слегка прокляснного и такого полнозвучного поэта, следующие стихи которого из его Ямбов, могут быть надгробной эпитафией для его жизни: «Я проиграл тебя, как Дамаянти когда то проиграл безумный Наль. Влетели кости звонкие как сталь. Упали кости и была печаль».

В тот весенний день шестнадцатого года, о котором я начал говорить, Гумилев был у меня и мы вместе поехали в редакцию, кажется, Северных Записок. По дороге я расспрашивал его о прошлом литературном сезоне и он мне сказал, что главным литературным событием этого сезона было блоковское стихотворение: Шага Командора, напечатанное в Русской Мысли. На той вопрос, что это за стихотворение, он мне процитировал на память несколько строф и поясчил, что это по сюжету, в сущности, только современный адюльтер в обстановке современного города, где ревнивый муж приезжает к любовнику на автомобиле. И прибавил: но тут есть обычный блоковский шарм. Обычно такой проницательный и вдумчивый. Гумилев на себя раз совершенно не понял этого стихотворения, как я убедился, когда сам его прочел. Это одно из лучших блоковских стихотворений, которое по значительности и характерности должно быть поставлено на ряду с его Незнакомкой. В этом стихотворении, как и в Незнакомке Блок вывелся себя с необычайной поэтической глубиной, искренностью и очарованием. В Незнакомке живет и трепещет блоковская душа так же, как в Шагах Командора. Она [illegible] многих других стихотворениях Блока, например, в стихотворениях написанных Россия или о России. Но нельзя так выразительно и ясно он не говорил о своей личной жизни, о своих сокровеннейших переживаниях, не относящихся к определенному любовному роману или к судьбам родины, с которой у него тоже был настоящий роман, может быть самый длительный изо всех.

В этом стихотворении, а в особенности в первом, есть нечто, что сближает их, в отдельных местах, с романсами. Это не случайность. У Блока есть стихотворения, эпиграфами к которым стоит стихи из какого нибудь цыганского романса. Блок не боялся этого. Он был слишком глубок, искренен и умен, обладал слишком тонким и верным вкусом, чтобы где бы то ни было впасть в пошлость. Но он был насквозь певуч и его тайна главным образом заключается в тех чарах, которыми он совершенно преобразил самые обыденные слова, самые избитые темы и самые плохие рифмы.

Я никогда не читал и не читаю Блока умом. Не умею и не стараюсь. Я его воспринимаю непосредственным чувством, как может быть ни одного другого поэта. И это непосредственное чувство совершенно такое же, с каким мы относимся к любимому человеку, вне всяких оценок его. И такое мое отношение к Блоку несомненно объясняется тем, что моя русской поэзии вошедшей во многих лучших современных поэтах, среди которых достаточно назвать Вяч. Иванова, что душу русской поэзии, смятенную и мятущуюся, не трудно найти в других поэтах и может быть главным образом в Андрее Белом, но что сердце ее билось только в стихотворениях Ал. Блока.

Из этого не следует, что он не был умен. Напротив того, Блок был необычайно умен и умен по настоящему, т. е. вдумчиво и в то же время остро. Но только его ум никогда не был у него вешненьким паром, а всегда оставался верным слугой его сердца, его интуиции. В каких сложных формах протекала интуитивная работа Блока, мы не знаем. Это останется его тайной, которую только отчасти мы можем разгадать, изучая его произведения и вспоминая его личную жизнь, поскольку она проявилась во вне. Но аппарат ума был у него превосходный и замечательно проникнулся в его творческой организации. Поэтому никогда не приходится сказать о стихотворениях и даже о его статьях, что они умны. Прежде всего об этом не думаешь и только воспринимаешь их. Очень любопытно в этом отношении сопоставить лирику Блока с лирикой Гете. Этот Олимпиец, как его называли называть, был все же человеком с огромным темпераментом и большой страстностью, несмотря на весь анализ его натуры. В своих любовных увлечениях Гете до старости был сердечен, нежен, искренен и пылок, как самый наивный юноша.

И все же его любовная лирика, отразившая в себе эту страстность, необыкновенна умна и поражает, кроме мастерства формы и остроты выражения, еще бьющим в глаза умом поэта. Этого у Блока нет совершенно. Поэтому я и сказал что он чистейший воды лирик.

Таким он был не только когда писал свои стихотворения. Женщины, которых он любил или которыми увлекался, могли бы многое рассказать о нем и я думаю, что самые ценные воспоминания о нем могут исходить только от женщины..

Не даже в своих отношениях с людьми вообще, Блок проявлял это основное свое свойство и ко всяким вопросам литературы, искусства, политики или религии подходил только таким образом. Поэтому он чрезвычайно и почувствовал революцию, как стихию, и конечно, не мог воспринять коммунизм, с его догомой, как определенное учение. Поэтому также он был глубоко религиозен но совершенно чужд какой бы то ни было церковности, т. е. определенного вероучения. В вопросах искусства он прекрасно разбирался и понимал его остро и тонко, но по настоящему говорить о нем мог только в формах проникновенной лирики.

Достаточно прочесть его статьи об интеллигенции и революции, чтобы убедиться в справедливости моих утверждений. Но еще показательнее его статья о символизме, напечатанная в свое время в Аполлоне рядом со статьей В. Иванова, ответом на которую она являлась. Обе статьи были в сущности докладами прочитанными в Обществе любителей художественного слова, учрежденном в Петербурге по инициативе Вяч. Иванова и заседания которого проходили в редакции журнала «Аполлон».

Этот доклад Блока ярко обнаруживает его характерные свойства и особенно показателен в сопоставлении с докладом Вяч. Иванова на ту же тему.

Личные воспоминания каждого, кто знал Блока и встречался с ним, могут только подтвердить мои слова и обрисовать его образ такими именно чертами, какие я вскользь наметил.

Но настоящий труд о Блоке, настоящее слово о нем скажет только тот, кто сумеет подойти к нему не в бреве исторических и литературных знаний, вооруженный острым скальпелем критического анализа, но с сердечностью и нежной любовью, сливаясь на тот внутренний опыт, который имел первенствующее значение в духовной жизни умершего поэта.

С. Рафалович.

Памяти Ал. Блока.

Он был меж нас, изысканных и мудрых,
Загадочный и тихим пришлецом. —
И как сияли золотые кудри
Над бледным и отточенным лицом.

Когда, томясь в мятежной жажде Слова,
Мы плавили тяжелых слов руду,
Он слушал звон из неба голубого
Про на-землю упавшую звезду.

С его душой и судьбы и стихии
Напевным говорили языком.
И билось сердце вещее России
В его груди, под черным сюртуком.

И оттого он пел о ней так нежно,
С такой любовью как никто другой.
И тот звенит, звенит в степи безбрежной
Его слова под росписной дугой.

Не знали мы иль знали слишком мало,
Что он восстал над северной рекой,
Чтоб наша страсть в его стихах звучала
Чарующей и вещою тоской.

И это сердце биться перестало.

Сергей Рафалович.

Вера Николаевна Лебедева.

В нашей газете уже отмечалось о приезде в Тифлис художницы Лебедевой.

Считаю нужным передать некоторые подробности об этой талантливой художнице, которая поражает удивительным свойством своего таланта.

Мне впервые пришлось видеть некоторые вещи Лебедевой у поэта В. Ю. Зельнер, который любезно согласился показать мне, находящиеся у него за семью печатями действительно замечательные работы молодой художницы.

В скором времени предполагается выставка картин ее, и тифлисская публика сама оценит все достоинства ее таланта.

Мне же, несколько раз видевшему работы Лебедевой, кажется, что она больше, чем талант.

Я был изумлен. Ошеломлен силой ее художественного вдохновения и кисти. Я не знаю, найдется ли в наше время глаз, равный по точности и сдержанности глазу Лебедевой.

Она преимущественно график. В тончайших линиях ее работ передаточным током льется кровь, пораженная в библейское время ядом разложения и погибели.

Это какой-то наукообразный талант с бесграничной фантазией открывающий нам фантастику удивительно своеобразного творчества.

Когда вы видите вещи Лебедевой, невольно вспоминается «Выстрел» Пушкина, где «пуля кажется в повторную пулю» так просто, с таким артистизмом и спокойствием.

Такова кисть Лебедевой, верная, никогда не изменяющая, создающая то безумную вакханалию страсти каких то неведомых цветов, то фантасмагорию дикого шабаша бесов, переносящая нас в Мексику, Китай, то приобщая к простоте пейзажа, где на почти белом листе дается полная иллюзия мельчайших деталей.

Я не художник. И я не могу коснуться всей глубины и оригинальности таланта Лебедевой.

Но как поэт, как представитель искусства, не могу не отметить факт большого художественного значения и чрезвычайной важности.

Николай Мицишвили.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАПАДНИК.

(К кончине П. Д. Боборыкина).

Сам маленький, а голова огромная. Как котел. И этот котел все варит, что подбрасывает жизнь. Спокойно, методично, аккуратно. Из всех отрав и огнедышащей жизни вываривает нейтральную, как говорят медики, настойку.

Это какой то **процесс** (так и просится это иностранное слово), а не **творчество**. «Бедность эмоционального начала», как сказал о нем кто-то. Лирика—sui generis, пафоса—никакого.

Позитивизм и натурализм с его протокольной манерой, которые он взял у своего времени, легли печатью на его душу. Он всем интересуется, но ничем не волнуется. Его лирика—не лирика сердца, не лирика настроений. Он любит не душу вещей, не дух времени, а только обличья, только переплет.

У жизни не руки целует влюбленно, а только к ее перчаткам прикасается галантно губами—этот русский gentleman parfait.

Розанов, как захотел его коснуться, так, конечно, и сказал все: «Проходили всякие лоботрясы по фону жизни, и Боборыкин их всех описывал, а молчаливых фигур с залуманившимися глазами по углам фона не заметил»...

Т. е. души не заметил. А только то, что сменялось, как перчатки—«зеленые, желтые, коричневые, в черной краске».

Кто-то по поводу «современности» у Боборыкина сказал, что в литературе самое трудное—современность. Да, но Боборыкин это лучше всего доказал. Только современностью занимался, без **пафоса расстояния** и оттого, вероятно, и лишился чувства пафоса, стал типичным описателем, прозаиком (в отличие от поэта). **Отметчиком** прозвал он сам себя. Из современности только лоботрясение приметил, но не содрогание недр. Сам подсказал: дажить. **Нажить** жизни он и описывал—не больше, не глубже. Российская кунсткамера—без слона. Старик был близорук: нагнувшись над витринами, в свой лорнет, мог только разглядеть букашек—каждый усик, каждый хвостик заприметит, душонку каждого словечка смакует, а души **Слова** не чует. Пусть и «Хронос русской литературы», но без чувства Вечности. Пишет для газетного листа. В каждой страничке его «Китай—города»—автор его назвал романом—только и чувствуется фельетнист, хроникер, «отметчик».

Но как несется, эта хроника! При нас еще умирает писатель, для которого публицистической темой являлось народление крупной купеческой буржуазии на смену отмирающему дворянству. И этой публицистики просил Тургенев. Боборыкин воспринял этот его завет. Боборыкин явился зеркалом тургеневских теней. Тургенев был художником. Над «публицистикой» Базарова живет его «вечность», его «поэтичность». Странным образом. Тургенев точно стремился откинуть от себя «вечность», описывать «лоботрясов». И «современность»—по крайней мере в «Нови»—утратила эту «вечность». Этой именно стороной, слабо стороной Тургенева, Боборыкин приходился ему наследником. Да и в их западничества, в этих проживаниях в Баден-Баденах и Париже и наездах в Россию, есть нечто общее.

Да с этими наездами—русский ли он? Какой-то постоянный вестник Европы, с последним ее словом. Лучше всего представляешь его себе пересекающим границу. Какой русский скажет: Россия—восток. Не то синтез Запада и Востока, не то мост между ними. Вернее—сама по себе. Даже для западника Чаадаева: «мы не принадлежим ни Западу, ни Востоку». А у Боборыкина есть такие строки, в «Китай—городе».

— Минареты (!) и крыши Исторического музея дают ощущение настоящего (!!) Востока.—

Это в самом сердце Москвы: у Иверской, «у Кремля святых ворот»! Надо приехать из Баден-Бадена или Парижа, чтобы так сказать...

Он с гордостью носил данное ему звание: «первого русского интеллигента». Для русского городского передового слоя он и создал это иностранное слово—**интеллигенция.** Но в его устах оно точно для верхнего слоя: дилетанта от университетского зала с актовой речью до зала Большого Московского трактира с органом. Земским врачем или земским статистиком его нельзя себе представить.

Но тот класс, который при нем нарождался, нашел в нем своего певца.

— Не один тут деньги, а и любви не мало,—говорит своей возлюбленной, один из его героев, молодой обсторепевшийся купец перед коллекциями **купца** Третьякова. И его возлюбленная, бедная дворянская девушка, рвущаяся на сцену, проникается этим новым «классовым» чувством.

— Офицер или камер-юнкер заставил-бы сойти со сцены, да и родня каждого жениха «хорошей фамилии». А это люди новые, ни от кого не зависят, кроме самих себя.—

И новый тогда класс предстает у него как носитель новых тогда истин. Забавный их тогда преобразуется в светлую стихию, [illegible] гающую общество к одному из этапов. И в тень, что эта новая истина является на фоне искусств—картин, сцены—показывается человек искренно любящий искусства. Это —его **пение...**

Про Боборыкина—принято говорить: «эрудиция огромная». Вся его жизнь—одна эрудиция. Три факультета прошел, с десяток языков знал, жизнь исходил во всех отношениях, два состояния прожил со смыслом, все видел, выслушал. Науку, искусство, культуру прогресс, Европу, «интеллигентную» Россию любил он искренно и на них построил свою спокойную сказочную жизнь. Был счастлив по своему, пусть над ним и смеялись («25 лет глумления, 15 лет преобожания» говорил он на своем 40-летнем юбилее) и глумились: что он — Пьер Бобо: «не пишет, а бобоствует» (Буренин, конечно). Но на том же юбилее он отбросил сладостно шипящий тост за его «молодую старость и старую молодость».

И умирая 85 летним почтенным лет он кончинчий университет еще при Николае I стал-ую старость? Умирая ли то в Швейцарии, почитывая-ли Москву не на «восток», а жалеет больно в самом сердце? Бывает это для него смерть дома или на чужбине? Отошел ли в вечность так же складно и положительно, — «отметчиком»—наблюдателем спокойно скончаемого, но естественного неведомого ему еще чувства—смерти?

В. Ананов.

БАТУМСКИЕ ПИСЬМА.

(От нашего корреспондента).

I.

Уже блестит снег на недавно еще темно синих горах, красиво окаймляющих бухту. Опустел пляж и прекрасный бульвар—гордость Батума.

Десяток иностранных пароходов стало постоянным явлением в порту и в иные дни, когда приходят два-три больших океанских парохода, бывает тесно в батумской бухте.

Маленькие турецкие фелюги жмутся тогда к каменной пристани.

С безукоризненной аккуратностью приходят громадные «триестинские» пароходы («Ллойд Тристино»), соединяющие Батум с Европой. В ближайшем времени возобновляют свои рейсы Батум—Марсель пароходы французской компании «Пакэ», которые еще больше сблизят Закавказье с европейским рынком.

Иностранных коммерсантов всякого ранга, направляющихся в Батум, Баку и далее в Россию, привозит чуть ли не десятками каждый пассажирский пароход и представители инспектора в Константинополе тов. Моледзде и Кузнецов—как рассказывают приезжающие оттуда—едва успевают давать им разрешительные визы.

Уже вторую неделю разгружается крупного тоннажа пароход «Карнола», доставивший хлеб для российского внешторга.

Хлеб—в зерне. Пыхтящими и стукающими лебедками громадные ковши поднимают его и глубоких трюмов и сыпят в жолоб, откуда зерно расыпается по мешкам.

И по мере разгрузки громадного парохода растет гора мешков с драгоценным грузом в железном складе рядом с пароходом.

Бойко и спорошто идет работа грузчиков. Грузят армяне, греки, грузины, русские. На общих основаниях по ставкам союза здесь же работает очередная артель красноармейцев одной из частей гарнизона. Деньги, ими заработанные, поступают в общую кассу части и идут на улучшение пищи.

Спрашиваю у грузчиков о цифре ежедневного заработка.

—За прошлую неделю миллион заработали.

Средний же ежедневный заработок грузчика выражается в эта тысячах рублей.

Работают хлебгрузчики и группа атлетов, подвизающихся в батумском цирке. Они просто обгоняют перемену своей профессии:

— Выгоднее, чем кости ломать на арене...

Вечером, когда зажигаются огни батумских кино и кафе, трудно пройти по бывшему Мариинскому проспекту—ныне улице Ленина. В толпе, наполняющей тротуары, часто слышится иностранная речь.

Батумские театры работают недурно в материальном смысле, но не особенно высоко стоят в смысле художественном.

В первом советском театре ставятся оперные спектакли, во втором мусульманские и армянские, а в третьем работает драматическая труппа, руководимая Н. Н. Михайловским.

К оперным спектаклям прибегались недавно оперсточные в театре политотдела Батумского Укрепленного района (Бурга), приспособленном из бывшего кино «Триумф».

Оперсточный ансамбль—случайный и убогий.

Батумские театры давно уже перешли на самоснабжение и учитывая дороговизну, стараются «выгонять» побольше миллионов от каждого спектакля.

Оперный театр при распеске мест от 80—100 тыс. руб. (первый ряд) делает сборы в 10—12 миллионов.

Эти коммерческие расчеты, улучшившие, быть может, материальное положение работников театра, отразились, конечно, существенным образом на его доступности.

Г. Берт.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Тов. редактор!

В в то время, когда, по сообщению Вашей уважаемой газеты, переводятся на русский язык произведения грузинского поэта—Важа Пшавела, чем, конечно, художественно мыслящая Грузия платит дань любви и уважения к памяти национального поэта—другой грузинский поэт, родной брат Важа Пшавела,—Нико Разикашвили (Бачана) буквально голодает с семьей в Ширакской степи (др. Нижние Кеды).

Кажется странным и обидным, наряду с заслуженным вниманием к памяти Важа Пшавела, незаслуженное невнимание к брату его—Бачана и это тем более обидно, что, при создавшихся материальных условиях, Бачана не в состоянии довести до конца последнее свое произведение «Зеркало Бытия».

Обращаю на это внимание представителей искусства и Академического центра.

Арменак Сиаглн—Сигнахский.

Георгий Леонидзе

Автопортрет.

Я варвар, я хазар, я сарматин,
У рамоных стен таран—гул динамитный
дрожи.
Горячей Руставли я мушцею ложе:
Пространства потерянных мечетарает спаяи.

Я услыхал в себе старинный шелест крови.
Мне вторила тучных чаек—Колхетии сосны.
Над головой моей воскресных лун волны,
И солнце держит мне свой жупуар настоже.

Стигматы расы я считаю как цветы.
Трибун нарядных толп и конный князь
картвелов.
Знамена Грузии мне реют с высоты
И солнце в родных походах поседело.

Купель поэзии—мне—виноградный чан.
Я душу бросил в [illegible]
Любо во блюнен Рембо—и сумасбродство злое
Мне в предки Теймураз и Чавчавадзе дан.

Воскресная газель, косуля молодая—
Я черный Моотгмог последнего трамвая.

Пер. **О. Мандельштам.**

(Из книги „Поэты Грузии")

Колау Надирадзе

Автопортрет.

Я азгат. Мне очи дал [illegible]
Мне кружит голову экзиотто [illegible]
Лыжи гнут лотоки [illegible]
Их лапы на песке [illegible]

Пред Иверией склонюсь я—поэт,
Кумиры тем гнидят в поток хрустальный.
Но волны северных морей печальны,
Аутo-дафе, вокзал. Дороги нет.

Являлся миру с носом я гадбтым.
Лицо урода, полных губ отал,
Брожу с тоской по градам каменитым,

Когда б Христос мне душу разгадал,
Ужель всегда я был бы тенью грешной—
Я—прокаженный, злой и безутешный?

Перев. **Тристея Мачабели.**

(Из книги „Поэты Грузии")

Николай Мицишвили

Агония декабря.

Злой ветер на дворе, как скрипка декабря
И пляска белых дез кружится в поле плавно.
А в комнате моей дуканные гонит
Сквозь синие окна глаза сонного Фавна,
Подтянулись обхватил колени паралич
И раскаленные влився в жилы клещи.
Болезни странной и услышу скорый клич
И дотнет черен от этих дум зловещих.
Мне страшно оттого, что начал забывать
Со дня вчерашнего я собственное имя
И зеленеет хоит и стала остывать
Гуная кровь и я не властную над ними.
Как плетья толоки не пальцы ли дозвал?
Разжрашивает кровь уставших губ коралы
И жизни прежняя для глаз моих молчит
И манится мне: близкие последние пиралы.
И жду я, что судьба меня повстречет кин,
Что буду изгнан я и проклинаем звоном,
И шестнице пойдет за мною пошлых лиц,
А лысые ширяют мне черепа в лотонку.

Пер. **С. Рафалович.**

(Из книги „Поэты Грузии")

Хроника.

От редакции. По обстоятельствам чисто технического характера в выпуске № № «Фигаро» произошел перерыв. Ныне обстоятельства эти устранены, и с настоящего номера газета будет выходить регулярно по субботам.

В Совет рабочих и красноармейских депутатов от союза Рабиса избраны Д. В. Кацнелажи, В. А. Покровский, М. А. Молчанов и тов. Ерзинкян.

Журналы союзов. В скором времени союзы грузинских писателей выпускают свои журналы. Старый союз—литературный «Мозаичник»—«Лапаги», новый же—литературную газету «Ломиси».

Ассоциация пролетарских писателей. 17 декабря во Дворце искусств состоялось торжественное открытие грузинской ассоциации пролетарских писателей. После приветственных телеграмм началось литературное отчуждение, в котором пролетарсты Бухаи Бекели, Тадзаргадзе, Лежавшвили и др. прочитали свои стихотворения. В заключение вечера с приветственной речью выступил поэт Тициан Табидзе, встреченный аплодисментами присутствующих.

«Зори». Вышла из печати пьеса Верхарна «Зори» в переложе Мейерхольда и Бобутова. Пьеса переведена на грузинский яз. поэтом Пашалишвили, «Зори» Верхарна полностью переведены поэтом Г. Леонидзе.

«Королевский бедняк». В переводе Дагу Мегвили печатается и скоро выйдет в свет пьеса А. В. Луначарского «Королевский Бедняк».

Нико Бараташвили. Настоящим в скором времени издается полное собрание стихотворений поэта Нико Бараташвили, переводы которых исполнены [illegible] наркомпроса поэтом Валерианом Гафриндашвили.

«Лонца». Репетируется и в текущем сезоне будет представлена на сцене гостиным пьеса Григория Робакидзе «Лонца». Пьесу ставит А. Р. Цулукиадзе.

«О сезоне». На днях в клубе грузинских писателей «Химерион» состоялся доклад Тициана Табидзе «О сезоне». Были прения. После доклада молодые поэты читали свои стихотворения.

«Вечер Голубые Роги». 17 декабря в клубе грузинских писателей «Химерион» состоялся литературный вечер, устроенный в пользу издательства журнала «Голубые Роги». Вечер дал блестящие материальные результаты.

Журнал «Голубые Роги» выйдет к 1 января с. г.

«Шпилькин». С 1 января под редакцией Сергея Цирекидзе начнет выходить при старом составе сотрудников издаваемый в прошлом году ежемесячный журнал «Шпилькин».

«Мозаикины». Поэт Кочиаш Надирадзе закончил книгу критической прозы — «Мозаикины», в которой автор дает портреты поэтов Н. Бараташвили, Г. Робакидзе, Т. Табидзе, П. Яшвили, В. Гаприндашвили, Ц. Цирекидзе, Н. Мицишвили.

Монографии. Писатель В. Барков закончил тиражство своих монографий — Аргина, Амиреджиби, Этемиаки. Монография «Аргина» уже вышла из печати. Писатели: Хомлиа, Котетишвили, Асатиани готовят монографии о Руставели, Ниношвили и Чонкадзе.

«Баррикада». Вследствие болезни редактора газ. «Баррикада» поэта Тициана Табидзе, выход 1 номера «Баррикады» задержался на некоторое время.

Тифлисские поэты в Париже. Футурист Илья Зданевич в настоящее время находится в Париже и в ателье Оленной д'Алтейм читает лекции о «новых школах в русской поэзии». Георгий Евангулов выступает в «Палате поэтов». Имеет успех его поэма «Детство» и ряд стихотворений из кавказского цикла. В последнем вечере Г. Евангулова принял участие (впервые в Париже) и композитор Александр Черепнин недавно покинувший Тифлис.

Новая пьеса. Сергеем Митежным закончен перевод революционной драмы «Le grand soir» принадлежащей перу польского революционера Леонтьева Кампфа и разующей русскую революцию 1905 года.

Одновременно с русск. пьеса переведена на армянский язык гл. режиссером армянской драмы Арменьяном и переводится на грузинский яз. режиссером грузинской драмы Андроникашвили.

Русский перевод С. Митежного передан на ознакомление режиссеру русской драмы А. А. Туганову.

Доклад Паоло Яшвили о Верхарне.

В воскресенье, 25 декабря, во Дворце Искусств (Сергиевская, 13) поэт Паоло Яшвили прочтет доклад на тему «Поэзия Эмиля Верхарна.

Начало в 7 часов вечера.

В союзе русских писателей в Грузии. 14 декабря состоялась очередная среда, посвященная, главным образом, организационным вопросам. Были произведены дополнительные выборы: 1 члена совета и 2 кандидатов. Избраны: Агапов (в совет), Поспелов и Сергей Митежный (кандидаты). Обсуждался вопрос о помещении. Во втором отделении читались стихи: венок восьмистиший Кулебякина и из недавно полученной книги петроградских поэтов — «Дезертир» Поэтера и «Звездный ужас» Гумилева.

Кончина артиста С. Сгимсидзе.

На днях в Тифлисе скончался артист С. Сигхазидзе (Гоготашвили), один из первых пеоды «восьмидесятников» грузинского театра, «нежный любовник» старой «внутренней» школы. Покойный оставил сцене двух своих детей — артистов Шалву Хоцели и Тамару Гоготашвили.

Вести отовсюду.

Ромен Роллан о разоружении.

В бюллетенях, издаваемых «Женской международной Лигой мира и свободы», опубликовано письмо, адресованное Лиге Романом Ролланом.

Французский писатель предупреждает об опасности новой войны, еще более жестокой и кровопролитной, и призывает женщин всего мира всеми силами бороться против новой угрозы, иначе ответственность за «кровь многочисленных юношей падет на головы их матерей, сестер и жен».

Премия Ле-Конт.

Премия Ле-Конт, в размере 50 тыс. фр. за лучшее научное открытие или изобретение, присуждено академией Наук Жоржу Клоду.

Ухищрения рекламы.

Недавно в газете «Таймс» было напечатано следующее объявление:

«Ищут лицо представительной наружности, способное спать днем. Никакой работы. Единственное требование: крепкий сон. Хорошее жалованье. Просят иметь при себе рекомендации».

По этому объявлению в течение нескольких часов направилось до 200 кандидатов, устремились и репортеры. Оказалось, что лицо, которое вызывалось торговой фирмой, обязано было спать в витрине магазина ежедневно пятьшесть часов, чтобы доказать невозможность сжебнуть в тканях изготовлявшихся этой фирмой.

Свеча весом в 1000 фунтов.

В память и за спасение души скончавшегося недавно тенора Каруэо будет в храме Помпейской Мадонны в Неаполе гореть свеча огромной величины: вышина ей 18 футов, а вес 1000 фунтов чистого воска. Она заказана в одном нью-норкском заводе. Свеча будет гореть одни день в каждом году и, таким образом, ее хватит на 500 лет. Если бы свеча горела непрерывно, то светила бы приблизительно 13 лет и 7 месяцев.

Сверх—парикмахерская.

В Нью-Йорке недавно открыта громадная парикмахерская, размеры и обстановка которой таковы, что поражают даже видавшего виды американского журналиста.

Парикмахерская занимает огромное многоэтажное здание, где ранее помещался Отель. Приемные залы, ожидальни, помещения кафе, читальня и пр.—все это осталось в неприкосновенности и ныне предоставлено в распоряжение многочисленных клиентов парикмахерской, ожидающих своей очереди. В зимнем саду играет симфонический оркестр опять таки для развлечения ожидающих клиентов.

Во втором этаже находятся мастерские—стрижки, бритья, маникюра и пр. Каждое кресло соединено сложной системой электрической сигнализации с служебными комнатами. Стоит нажать кнопку—и получается вода нужной температуры и пр. и пр.

Третий этаж—салоны красоты, откуда ежедневно несколько тысяч дам выходят помолодевшими и похорошевшими.

Лечение рака.

В последнее время твердо установилось мнение о целительном действии радия и, в частности, о возможности исцеления рака посредством воздействия радия.

По этому вопросу на днях выступил в Филадельфии с докладом известный американский профессор Джон Дивер.

Докладчик категорически заявил, что все опыты лечения рака радием не дали никаких результатов. По мнению профессора Дивера, следует окончательно расстаться с надеждами на использование радия в борьбе с раком.

Остров Сарры Бернар.

Сарра Бернар приобрела у французского правительства островок на Бискайском море, который она избрала местом своего последнего успокоения.

Рязанский день.

Мне страшно. Я устал от переволнений,
От этих дней и мыслей на лету.
Как бы сквозь сон я слышу птичье пенье
Рязанский день и яблоки в цвету.

Так незаметно солнце угасало,
Вот так улыбка тронет на устах.
И розовое золото дрожало
На зеленущих от почвы листах.

Зажмешь веки, и стало холоднее...
Калитка скрипнула и ставень запушал.
И пусть я поняв все: зажим уста неемет
И почему волнуется душа.

Рюрик Ивнев.

Проводы.

Помню: тебя провожали,
Поезд свистнул, ухода.
Губы твои дрожали:
Плетья во время дождя.

Все, что вспомнилось: губы,
Плетья во время дождя.
Угли, колеса и трубы,
Поезд свистнул, ушел.

Рюрик Ивнев.

ТЕАТР И МУЗЫКА.

Театр Руставели.

Грузинская драма «Сны»—Сандро Канчели.

Что «Жизнь есть сон»—давно завещал нам Кальдерон.

«Во тьму веков» из современной Грузии ему вторит Сандро Канчели, которому приснились «Сны» виденные им и нами в недавней постановке театра Руставели.

«Сны»—несомненно новые нотки в грузинском театре: новое слышится уже в самой скупости технических средств выражения, не недоказанности отдельных картин пьесы, и так лапидарной.

Вот «Сны», вы чувствуете, что автор их—поэт, что он не знает тайн сцены, что эти усталые грезы созданы для интимной сцены: им достаточно десятой части зала Руставели.

Этим сценам не нужно суфлера: тут суфлирует настроение, это—очарование «Золотой Табакерки».

Но в этом крохотном театре «Снов» вы чувствуете несомненные следы завований новой драмы—Пьера Люиса («Женщина и Пеш»), Габриэли Зяпольской («Их четверо») и недавно успокоившегося в «Снах» вечности—бунтаря нового театра Франка Ведекинда.

Конечно, пэн автор не дает такой дозы яда «театральных отравлений»: он только окропил «Сны» бухгалтера ядом сомнений, дал полу-прозрачные силуэты «городских людей»; он только намекнул на круговую поруку обмана жизни.

Намек талантливо понят и выявлен режиссером—Константом Андрони; положительно хороша почти вся постановка (лучшая сцена—Кабаре).

Тариэль.

Государственный балет.

Три химеры.

Тифлисский государственный балет, созданный усилиями Мордкина, является лучшим украшением нашего театрального сезона и соперничает не только с драмой, но и с оперой. Мордкин, как чародей создает на наших глазах царство крылатых фей, сверкающих всей белизной своих крыльев.

Среди других имен, привлекающих к себе внимание публики, уже выделилось магическое имя Маклеповой. Ее называют царицей балета и никто так не заслуживает этой метафоры, как Маклецова. Когда она танцует, театр преобразается и все с напряженным вниманием следят за артисткой, творящей целый ряд гармонических линий. С мучительной и странной улыбкой сомнамбулы она чертит свои иероглифы, она танцует шутя, как будто это искусство явилось результатом чистого вдохновения, а не долгого труда. Всю нежность любви, всю жестественную негу печали, всю грацию страсти Маклецова выражает в четких и воздушных формах. Она то Самаэлка, то Мадонна, то Мессалина. Она как фантастическая белая птица Алконост, выпорхнувшая из чертогов рая. Ее руки осыпаются в танце, как лепестки, делаются все более крылатыми и легкоевными.

Танец этой артистки выражает идею человеческого тела, стремящегося в высь. Около нее—верный рыцарь и согладатай ее движений—Мордкин. Он охотится за нею и преследует ее, как лань. Он окутывает ее своими объятиями. Она стибается в его руках, как фиалка, она возвышается над его головой как знамя, и с этим знамением торжествующий свою победу артист покидает сцену, как поле битвы.

Мир классического русского балета, прославившего себя в Европе, еще раз воскресает перед нами в лице Маклецовой—самой обаятельной и самой прекрасной артистки нашего сезона. Вспоминаются стихи Пушкина об Истоминой и знаменитая строфа в Евгении Онегине, посвященная «ножкам».

Маклецова остается в памяти как видение. Наша фантазия обогащается этим видением и вечные образы Беатриче, Лауры, Дездемоны отражаются в идеальном образе Маклецовой.

Семенова—молодая артистка, в которой есть очарование распускающегося цветка. В ней чувствуется большая, еще не раскованная сила и будущее с соблазнительной перспективой славы принадлежит ей. Танец этой артистки очень музыкален (в Соловье) и если Маклецова светит матовым светом умирающего дня—Семенова создает симфонию белизны, симфонию спелых девственных линий. Она могла бы исполнить танец утопающей Офелии, если бы такой танец существовал. Перед ней открывается путь новых побед и новых достижений.

В Лесной есть плавность и желтизна шелкового песка, развеваемого ветром пустыни. Семенова танцует без улыбки, Леонова все время улыбается светлой и радостной улыбкой. Она, как ожившая статуя, вернувшаяся из мира эллинских теней, еще раз переживает сладость бытия.

Эти три химеры: Маклецова, Семенова и Леонова венчают наш балет и у них нет соперниц, которые могли бы оспаривать их лавры.

Тристан Мачабели.

Композиции В. М. Амиджиби.

11 декабря в зале училища С. В. Аргутинской выступила со своими произведениями пианистка и композитор Вера Мих. Амиджиби. Фортепианные пьесы (в исполнении автора) и романсы (Л. А. Михальская) В. М. Амиджиби отмечены эластическим [illegible] полнящим стилем и чистотой формы и оставляют самое симпатичное впечатление. Как для фортепиано, так и для голоса они написаны очень удобно. Отличное впечатление оставляют произведения, проникнутые народным духом (песенки на [illegible] мотивы, «Ивушка»), есть подлинное вдохновение в «Пастюрне». Желательно издание и распространение лучших произведений этого симпатичного композитора. Многочисленная публика принимала В. М. Амиджиби очень тепло.

А.

Пианист Вл. Цветаев.

Расширять область звуковых возможностей фортепиано, сделать его соперником оркестровой звучности, извлекать из него то нежное колебание светотеней, то оргию звуков — вот лозунги современного пианизма. Еще Сафонов говорил: «Чем меньше фортепиано под пальцами исполнителя похоже на себя, тем лучше». В России Рахманинов — в своих фортепианных произведениях на эстраде за роялем — самый яркий представитель этого оркестрального пианизма, ставшего всеобщим. Еще не сейчас у нас Боровский, исполнивший этому течению.

Но в недрах музыки этому течению быть может, как реакция на его крайности, появляется встречное течение, зовущее от стреляния к оркестру — «назад к фортепиано», к чистой фортепианной стихии. В России наметились определенные представители этого течения; виднейший среди них—московский профессор Эйгес, философские и теоретические сочинения которого основаны на утверждении ценности самополезлежей музыки. Концертирующий сейчас в Тифлисе пианист Владимир Цветаев — ученик и последователь Эйгеса, тем и интересен, что знакомит нас с этим новым и серьезным течением в пианизме.

Что возразить, когда розыль хотят сделать роялем? Когда в нем самом видят его силу и богатство? Не является-ли эта реакция здоровой? Логически это вполне приемлемо, вопрос—в практическом претворении.

У Вл. Цветаева—все данные прирожденного пианиста и все приобретения семьевной школы. Отличная рука, таящая мощь железной техники, проявляющая мелкое тушье и звенящую беглость техники-пальцевой, по жемчужной игры perlé. Передача программы обнаруживает серьезное понимание и строгий вкус.

По требованиям его пианистической «платформы» точно застаивают его умерить яркость своих данных: пианист хочет, и добивается, мягкой звуковой опытности, сдержанности удара, сглаженных динамических и психологических контрастов.

Не принимать этой игры — нельзя: она строго пианистична и серьезно музыкальна, — но размышления, несогласия, споры она несомненно вызыв. своей необычностью. Выступая с новым словом, надо принять на себя бремя борьбы, бремя новизны. Мы слишком сроднились с «захватническим» стремлением фортепиано, в этом видим его славу и мощь. От теоретических понимания умом до практического принятия ухом—пространство огромного размера. Артистические данные Вл. Цветаева несомненны, но его художественные задания не то спорны, не то неприняты.

И эта двойственность в обоих концертах (1 декабря—русская школа, 8-го—Шопен) сказывалась в относительно сдержанном внешнем приеме аудитории при его несомненном, серьезном и сосредоточенном внимании.

В. А.

За неделю.

По «техническим условиям» эта «неделя» выросла в три недели. Были у нее свои «большие дни».

В Гос. опере возобновили «Богему» и «Сказание о Шота Руставели».

Первая прошла с превосходным ансамблем, в том горячем тоне, которым проникнута эта лучшая опера Пуччини: Бокова (музыкально и сценически культурная отделка партии Мими), Залинский (голос звучал свеже, ярко), Полиев, Столерман.

Оперу Д. И. Аракчиева возобновили не без страдания, которого вполне заслужила это несправедливо затененное произведение, открывшее историю (на сцене) грузинской национальной оперы. Художник Сидамонов-Эристов проявил много декоративного вкуса; лучшее дано в 3-м акте; следование же (вольное или невольное) Билибину в первых двух картинах привело к той сухости, которой отмечено искусство русского графика. Аракчиев принесал небольшой вступительный акт, через который проходит трогательная мелодия «урмули». Хоры доведены до 90 человек, но это повело скорее к тяжести звучности, в ущерб легкости фактуры многих хоровых номеров оперы, и было причиной длительного гармонического недоразумения во 2-м акте. Рельефную фигуру Шота дал Сараджишвили. Автора многократно вызывали.

Академический балет перед новыми постановками возобновил «Польский бал». Выбыла из состава Маклецова; ожидается приезд Гельцер.

Выступали с концертами В. Цветаев (Бетховен и Лист), И. С. Айсберг, почтенный педагог порою вспоминающий о своем пианизме, виолончелист М. Цовьянов, скрипач Ильченко и др.

Массу публики привлек вечер Б. Прозоровского, собравшего лучших исполнителей (Бокова, Залинский, Ильченко, Кепинова, Петина). Новые романсы Прозоровского обличают заметный шаг к большей технической зрелости и психологической углубленности.

Еще больше публики собрал «квартет» «московских цыган». Видимо, велик еще круг любителей этого жанра, которому едва-ли место в искусстве.

В. А.

Арсен Джордиашвили.

Русскоязычная т.т. Назарова и Гогитидзе кино-секция Наркомпроса развивает усиленную деятельность.

Просмотр первой картины, снятой в Тифлисе кино-секцией, недавно состоялся в «Аполло».

Тема принадлежит писателю и артисту Шалве Дадиани, разработка сценарии и постановка — режиссеру И. Н. Перестиани. Картина рисует эпоху кавказского наместничества и борьбу генерала Гризного, с рабочими, завершившуюся его смертью от бомбы Арсена Джордиашвили. Перед публикой проходят на экране Ген. Воронцов-Дашков и вся его свита, изображенные участниками с сходом с большим портретным сходством.

Особенный интерес картина представляет для театральной публики Тифлиса, ибо участниками с[illegible] являлись, главным образом, тифлисские артисты грузинской и русской драмы. Тут талантливый премьер грузинской драмы Чиаурели, Кикодзе, Чавчавадзе, Перестиани, Ямпольский, Кетчиян, Дзевский, Грелецкий и т. д. Все они оказались очень недурными актерами экрана. Прекрасен в центральной роли Арсена—Чиаурели; в второстепенной роли Воронцова-Дашкова показал отлично выразительную мимику И. Н. Перестиани.

Сама постановка подтверждает сложившееся о нем в России репутацию классного кино-режиссера, умеющего сочетать художественность с занимательностью.

Картина оставляет прекрасное впечатление и имеет несомненный успех.

П.

Театральная хроника.

Гастроли Виктора Петина. Спектакли с уч. В. Петина продолжают привлекать публику. При переполненном театре прошли в театре Руставели «Дурак», «Тот кто получает пощечины», повторенные затем в «Малом» театре. В последнем, кроме того, прошли с успехом «Маленькая шоколадница» и «Обольтусы ветроглоны».

XX л. юбилей В. А. Оболенского. В среду, 21 декабря в русской драме отпраздновали XX летний юбилей В. А. Оболенского, выступившего в «Генрихе Наварском» в заглавной роли. Спектакль имел большой успех. Театр был полон. Чествование артиста состоялось при поднятом занавесе после 2-го акта.

За новыми артистами. Уполномоченный В. Петина Н. Ланд Фрид выехал в Харьков, Москву и Петербург с целью приглашения в Тифлис на гастроли В. Л. Юреневой, В. В. Барановской, В. Алексеевой-Месхиевой и Блюменталь-Тамарина. Для Государственной оперы им получены полномочия привезти в Тифлис на несколько гастролей Л. В. Собинова, Нежданову, П. Цесевича, Митая и др., а для академического балета Екатерину Гельцер. Вернется Н. Ланд-Фрид через полтора месяца.

В русской драме. Готовится к постановке «Горе от ума». Ставит пьесу В. А. Ермолов-Бороздин.

— В скором времени в театре будет приступлено к репетициям последней пьесы Н. Н. Евреинова «Самое главное» (для кого комедия, для кого драма). Пьеса эта, в бытность Н. Евреинова в Тифлисе, была прочитана в кругу литераторов и артистов, произвела большое впечатление своей оригинальностью и остротой и вызвала горячие прения. Из всех драматических произведений Евреинова «Самое главное» наиболее значительное и серьезное, хотя и наиболее парадоксальное.

— Из пьес А. Луначарского в русской драме намечены к постановке «Оливер Кромвель» и «Василиса Премудрая». Последняя вещь, в виду особой ее сложности, будет не столько «представлена», сколько прочитана, как в свое время повсеместно читали на сцене «Царя Иудейского».

В Новом р.-х. театре. С большим успехом прошла пьеса Бенавенте «Изнанка жизни» в постановке К. А. Давидовского. Имела успех также «Легенда о Гере и Леандре» Грильпарцера в постановке Х. С. Эранова. Готовится к постановке «Да здравствует народ», «Плачь Рахили», «Фавн» и «Роза и Крест». Театром принята к постановке новая пьеса Анри Батайля «Человек с розой» в переводе Сергея Митенкого. Пьеса эта является продолжением Мольеровского «Дон-Жуана», которого мы находим здесь после его исчезновения через десять лет. Впервые пьеса поставлена в Париже в 1920 г., в печать же вышла только недавно.

В Госуд. опере. В воскресенье идет «Шота Руставели», во вторник—балет с уч. Мордкина, в среду и первый раз в сезоне «Манон» с Залинским и Старостиной; в четверг—«Тоска» с Алешко, Сараджишвили, Инаевым; в пятницу—балетный спектакль и в субботу «Абессолом».

ИСКУССТВО В РОССИИ И ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

Среди писателей.

— **Издательство «Алконост»** выпускает в скором времени сборник пьес Алексея Ремизова «Крашенное рыло», «Поэму в попах» Вл. Пяста, книжку Марины Шагинян «Дом у дороги», сборник стихотворений З. А. Зоргенфрея и книгу К. И. Чуковского об Александре Блоке. Издательство кроме того выпускает специальный номер (6—7) «Записок Мечтателей», посвященный памяти Александра Блока. В номере этом будут напечатаны воспоминания и статьи о Блоке Андрея Белого, Анны Ахматовой, Вячеслава Иванова, Р. В. Иванова-Разумника, В. В. Гиппиуса, Евгения Замятина, В. А. Зоргенфрея, М. А. Кузмина, Н. А. Клюева, Вл. Пяста, Федора Сологуба, К. И. Чуковского, Марины Шагинян, Викт. Шкловского, А. З. Штейнберга, П. Е. Щеголева, Конст. Эрберга, Е. П. Иванова и др.

— **Андрей Белый** написал новую книгу «Кризис слова», составляющую четвертую часть его работы «На перевале», в которой делается попытка анализа «кризиса жизни», «кризиса мысли», «кризиса культуры» и «кризиса слова».

— **Вячеслав Иванов** написал книгу о Скрябине, которая выйдет в скором времени в издании петроградского книгоиздательства «Алконост». Готовится к печати также другая книга Вячеслава Иванова «Человек».

— **«Былое».** В ближайшие дни выходит новая книжка исторического журнала «Былое», издаваемого попрежнему П. Е. Щеголевым. В книжке будут напечатаны между прочим: воспоминания Льва Дейча о Г. В. Плеханове и материалы о Плеханове, извлеченные из архива департамента полиции.

— **«Призыв».** В Петрограде выйдет в скором времени новый ежемесячный журнал «Призыв», который будет выпускаться Петроградским отделом народного комиссариата просвещения по типу больших ежемесячных журналов.

— **В. Я. Брюсов** написал новую пьесу «Три вора», которая пойдет в постановке в петроградской «Рыльной Комедии», руководимой Н. Н. Евреиновым.

— **Издания Государственного Издательства** начнут с ноября поступать в свободную продажу. До сих пор, как известно, издания Государственного Издательства распределялись преимущественно между учреждениями культурно-просветительного характера и в продажу не поступали.

— **«Кон Искусств».** Вслед за «Домом Литераторов» 13 октября возобновил, после летнего перерыва свою лекционную деятельность «Дом Искусств». В программу ближайшего цикла вошли лекции А. Л. Волынского «Четыре Евангелия», В. Виноградова—«Литературная история Сони Мармеладовой», два чтения К. И. Чуковского об Александре Блоке, два вечера молодых беллетристов и поэтов, лекция М. В. Добужинского о декоративной живописи и т. д.

— **Мемуарфии.** Одно петроградское издательство поручило поэту М. А. Кузмину написать монографии о композиторах Грегри и Люлли.

— **П. П. Гнедичем** закончена новая пьеса в 4-х актах из эпохи императрицы Екатерины Великой под названием «Былые сны».

— **Книга Н. Н. Евреинова.** В Петрограде вышла в свет художественно иллюстрированная книга для детей «Что такое театр», с текстом Н. Н. Евреинова.

— **Вечер памяти Достоевского.** В Париже, в помещении Филармонии Заславского состоялся вечер посв. памяти Ф. М. Достоевского. В вечере приняли участие: Олегина, Дальгейм, В. П. Панова, Лев Шестов, И. А. Бунин, А. И. Куприн, Л. Е. Конюс. Весь сбор поступил в пользу нуждающихся студентов.

В театрах и концертах.

— **И. Ф. Стравинский** закончил новую оркестровку своей «Жар-Птицы».

— **Губполитпросвет** Петрограда решил отпраздновать исполняющееся 100-летие со дня рождения Некрасова устройством большого центрального концерта-митинга, на котором будет исполнена кантата, написанная Г. Ясинским. Музыка для кантаты заказана А. К. Глазунову. Кроме того, будет устроен целый ряд концертов и лекций в клубах, домах просвещения и районах, причем в программу войдут исключительно музыкальные произведения, написанные на текст стихотворений Некрасова. Вместе с тем, губполитпросвет заказывает молодым композиторам, без различия направлений, музыку на стихотворения Некрасова. Все эти музыкальные произведения будут впоследствии изданы отдельным сборником.

— **В Передвижном театре** в Петрограде идет работа по возобновлению пьес «Смерть Тентажиля», М. Метерлинка и «Освобождение», М. И. Волконского. Обе пьесы ставит Н. П. Гайдебуров.

— **Кн. Волконский.** В Петроград приехал бывший директор имп. театров князь М. Волконский, который будет преподавать историю искусств в некоторых театральных студиях.

— **Шаляпиным** закончен новый русский перевод оперы Гуно «Фауст». По возвращении из за границы Шаляпин будет петь партию Мефистофеля в своем новом переводе.

— **Гастроли Южина.** В Александринском театре предполагаются гастроли А. К. Южина, который выступит в «Горе от ума» в роли Фамусова.

— **Художественные издания.** Управлением академических театров в Петрограде выпущены роскошные издания с художественно исполненными снимками (в красках) с последних постановок Мариинского театра—«Пиковой дамы» (художник спектакля А. Бенуа) и «Жар-птицы» (художник спектакля А. Головин).

— Репертуара Малой Академической оперы (б. Михайловского театра) из'яты все оперетты, которые ставились до сих пор.

— **А. И. Глазунов** приступает к инструментовке Интернационала для большого симфонического концерта.

— **Н. В. Подмацкая,** прожив с мужем последний год в Галлиполи, предполагает совершить концертную поездку по крупным центрам Европы.

— **С. С. Прокофьев** выехал в Америку. Он будет дирижировать в Чикаго первыми восьмью представлениями своей новой оперы «Любовь к трем апельсинам», которая пойдет в декорациях Анисфельда. Только что закончил композитором третий фортепианный концерт, посвященный Бальмонту. Впервые он будет исполнен [illegible] в Америке.

— **Концерты Кусевицкого.** [illegible] концерт С. А. [illegible] состоялся 10 ноября, в качестве солистки в нем выступала певица Вера Жанай [illegible]. В программу входят произведения Бетховена, Дебюсси, Равеля, Римского-Корсакова и Мусоргского. Новинками для Парижа являются впервые исполняемые во Франции вступление и битва при Керженце из сказания о Граде Китеже и скерцо «Полет шмеля» из «Царя Салтана». С. А. Кусевицкий дирижирует в настоящее время с выдающимся успехом концертами берлинской Филармонии и возвратится в Париж 1-го декабря, что бы приступить к репетициям своих концертов.

— **Бостонская Филармония** ведет переговоры о приглашении С. А. Кусевицкого на пост дирижера знаменитого бостонского оркестра, считающегося лучшим в Америке. В настоящее время дирижером бостонского оркестра состоит Пьер Монтэ.

— **Белоусов и Боровский.** Виолончелист Е. А. Белоусов и пианист А. К. Боровский выступавшие минувшей весной в Париже,— в настоящее время с выдающимся успехом концертируют в Вене, Праге и Будапеште. В ноябре и декабре с. г. состоятся их концерты в Париже.

— **Ф. И. Шаляпин** уехал из Англии на пароходе «Атлантик» в Нью-Йорк. Он принял предложение Рауля Гинсбурга выступить в Монте-Карло в опере «Мефистофель» в марте будущего года.

— **Т. Карсавина.** Балерина петроградского Государственного балета Тамара Карсавина выступает теперь в Праге. Она приняла приглашение С. П. Дягилева и будет исполнять в Лондоне центральную партию Авроры в балете «Спящая красавица».

— **Е. А. Полемицкая.** Из Берлина нам сообщают, что Е. А. Полевицкая закончила свои гастроли в Берлине «Екатериной Ивановой».

— **Т. С. Орда.** В Париж приехал артист оперы Зимина Т. С. Орда. В весеннем сезоне Т. Орда приглашен на ряд гастролей в Национальную оперу в Варшаве.

— **«Летучая Мышь»** Н. Ф. Балиева заканчивает свои спектакли в театре Аполло в Лондоне. Балиев получил ангажимент на турне по английской провинции. В декабре «Летучая Мышь» уезжает в Америку.

— **Н. С. Ермоленко-Южина** получила приглашение от концертного агентства Вольф приехать на несколько гастролей в Берлин для участия в вагнеровском репертуаре.

Среди художников.

— **И. Е. Репин** работает в настоящее время над большой картиной «Банкет». На полотне будут почти все крупные лица из финской художественной среды. Картина будет подарена художником финскому музею «Атенеум».

— **Художник А. Я. Головин** взял на себя постановку в Михайловском театре оперы Оффенбаха «Сказки Гофмана». Он же будет писать и декорации.

— **Наталия Гончарова и М. Ф. Ларионов** закончили переговоры с дирекцией Альс-Гриво Геллера в Нью-Йорке об устройстве выставки их картин в Нью-Йорке и в ряде городов Сев. Америки.

В 1922 году с весны откроется в Венеции международная художественная выставка. В 1920 году устроителем русского отдела являлся местный консул, художник Безродный. Отдел был заполнен на треть работами Архипенко. На этот раз предполагается, что дело устройства русского отдела возьмет на себя новое «Русское О-во Истории и Искусств» и уполномочит С. К. Маковского быть комиссаром этой выставки.

В кино.

— **У Ермольева.** На кинематографической фабрике «Ермольев-Синема» закончены постановкой следующие фильмы: «Тысяча и одна ночь» и «Буря».

«Тысяча и одна ночь» будет демонстрироваться в больших театрах Парижа в течение 3-х недель, начиная с 28 декбря с. г.

«Буря» будет демонстрироваться в конце января, в постановке французского режиссера Бурдиса с участием И. Мозжухина, Ванеля и Н. Лисенко.

Режиссер Волков занят постановкой картины по роману Жюль-Мари «Таинственный Дом». В главных ролях И. Мозжухин и артист Москв. Худ. Театра—Колин.

Артистка московского Художественного театра Е. П. Порфирьева, недавно приехавшая в Париж, приглашена в кинематографическую фирму И. Ермольева.

— **Корти и Мессенко.** В настоящее время во всех кинотеатрах Парижа в «Пате-Рено» идет русская пьеска в исполнении г-жи Корти и г. Мессенко. В недалеком будущем пойдет их же мексиканский танец. Обе с'емки сняты фабрикою Пате при посредстве особого замедлителя, передающего движения в 8 раз медленнее нормальной их быстроты. Новинка имеет большой успех у кинематографической публики.

—**«Отец Сергий».** Русская кино-картина «Отец Сергий» с участием И. Мозжухина и Н. Лисенко впервые демонстрируется во Франции. Недавно она шла в Праге и в скором времени пойдет в ряде городов в Америке.

— **П. Г. Баратов и Л. Гранский** приступили к с'емкам в одной из крупных кинематографических фабрик в Вене.

— **«Прежде Правосудие».** В 14-ти крупных кино-театрах Парижа начинают демонстрировать картину фабрики «Ермольев-Синема»—«Прежде правосудие» с И. И. Мозжухиным и Н. А. Лисенко в главных ролях.

Редактор-издатель **Н. Мицишвили.**

Разрешено военной цензурой. Типография Цека Компартии Грузии. Тираж 1,100 экз.